

Информационный бюллетень НС

**NSDAP/AO : PO Box 6414
Lincoln NE 68506 USA
www.nsdapao.org**

#1155

04.05.2025 (136)

Гитлер на войне : Что произошло *на самом деле?*

А.В. Шаерффенберг

Часть 2

Глава 1:

Кто на самом деле начал войну?

Тот, кто разжигает факел войны в Европе, не может желать ничего, кроме хаоса."

Адольф Гитлер, 3 августа 1939
года

Хотя общепринятые историки считают его человеком, несущим единоличную ответственность за Вторую мировую войну, это была роль, для которой Адольф Гитлер был совершенно не приспособлен как лично, так и идеологически. Будучи простым солдатом во время Первой мировой войны, он стал свидетелем насильственной смерти своих близких товарищей и сам стал жертвой мучительной ипритной атаки, которая едва не лишила его

зрения. Четыре года на фронте заставили его лицом к лицу столкнуться с неописуемыми ужасами окопной войны, повторения которых он не желал ни себе, ни своим соотечественникам.

После перемирия он развил национал-социализм, центральным постулатом которого является сохранение арийского человечества. Гитлер учил, что все белые люди, независимо от их национальной принадлежности, являются братьями и сестрами одной расы. Следовательно, войны между арийцами - это братоубийственные конфликты, и их необходимо избегать. На войне, сетовал он, лучшими людьми становятся солдаты, которые наиболее свободно отдают свои жизни за свою страну, тем самым обедняя общество за счет потери наиболее ценных его членов. После избрания канцлером Германии главной страстью Гитлера стала не ремилитаризация, а социальное обновление страны. Особенно его увлекала культурная реформа, и он хотел провести остаток своей жизни, перестраивая немецкие города. Когда наступала война, он рассматривал ее как отвлечение от своих настоящих интересов и часто выражал сожаление, что не был более счастлив в реализации проектов общественных работ. Как он неоднократно объяснял даже во время конфликта, "я - страстный строитель, но неохотный генерал", - замечание, которое вряд ли характеризует роль "завоевателя мира", отведенную ему его врагами.

Однако Гитлер живо интересовался международными делами, особенно теми, которые непосредственно касались советской угрозы. Вместе Третий рейх и фашистская Италия выступали бы в качестве центральной "оси", вокруг которой могли бы сплотиться другие континентальные народы, укрепляя средневропейский костяк. Императорская Япония сдерживала распространение коммунизма в Азии, а союз с Великобританией объединял величайшую военно-морскую державу мира с ее самой мощной армией - германскими вооруженными силами, вермахтом. Сдерживаемый таким образом, советский колосс распадется без необходимости войны. Так он надеялся.

Однако, когда военных действий уже нельзя было избежать, Гитлер взялся за дело. Его непосредственный опыт, полученный на Западном фронте за двадцать с лишним лет до этого, научил его так, как не могло научить никакое формальное военное образование. Более того, его послевоенные политические кампании - с их постоянным акцентом на массовые действия - сами по себе проводились как боевые кампании. Однако, бесспорно, природные данные Адольфа Гитлера стали важнейшим фактором его лидерства как величайшего военачальника XX века, а возможно, и всех времен. Многочисленные примеры его выдающихся способностей,

приведенные в этой истории, подчеркивают неоспоримый статус Гитлера как величайшего стратега и лидера Второй мировой войны. Среди них - его собственный план захвата бельгийского форта Эбен-Эмаэль, без которого вся Западная кампания была бы невозможна, и его единоличное спасение немецких армий в начале зимы 1941 года, когда весь Восточный фронт был на грани неминуемого краха. Эти и многие другие военные достижения не имели аналогов, настолько, что невозможно представить себе другого лидера, как Оси, так и Союзников, способного на них.

Это не значит, что он никогда не совершал ошибок. Как сказал о себе Гитлер незадолго до успешного вторжения во Францию, весной 1940 года: "Господин Черчилль заявил недавно в радиопередаче, что насчитал 16 ошибок, которые я совершил до сих пор в этой войне. Он ошибается. Я совершил по крайней мере вдвое больше ошибок, о которых мне известно! Но если мистер Черчилль и его последователи совершили только одну ошибку, то она гораздо хуже любой моей ошибки, а именно: когда они начали эту войну, которая неизбежно должна закончиться, независимо от ее исхода, распадом Британской империи".

Самой тяжелой ошибкой Гитлера, как он запоздало признал, было то, что он доверился немецкому Генеральному штабу. Поскольку он был человеком слова, он не мог представить, что кто-то другой, особенно немецкий офицер, может поступить бесчестно. И все же ответственность за окончательное поражение 1945 года лежала в первую очередь на некоторых немецких генералах - худшей своре предателей, когда-либо нанесенных какой-либо стране. В отличие от своих коллег из западных союзников, Гитлер не родился с серебряной ложкой во рту. Богатство, социальное положение, политика как таковая и личная власть или престиж - те самые вещи, которые одерживали Ф.Д.Р. и Черчилля, - отталкивали его. Пока Рузвельт общался с финансовой элитой Нью-Йорка в Гайд-парке, нищий Гитлер продавал свои акварели в Вене за несколько флоринов. Позже, когда Гитлер рисковал жизнью в качестве безымянного солдата на Западном фронте, Черчилль, находясь в безопасности лондонского министерства внутренних дел, отправил тысячи австралийцев на бессмысленную бойню на пляжах Галлиполи, а Сталин был заложником в царской России.

Гитлер так долго ассоциировался в народном сознании с самой страшной тиранией, которую когда-либо знал мир, что каждый, кто узнает правду о его правлении, неизменно испытывает изумление. Если рассматривать его в контексте его собственного времени, то многое проясняется. До конца Первой мировой войны Германией управляла устаревшая монархия. После ее окончания страна разрывалась между самозваными марксистами,

рассматривавшими Германию лишь как подножие для Советского Союза, капиталистическими консерваторами, более заинтересованными в сохранении своего богатства, чем своей расы, и демократами из кабаре, погрязшими в "восхитительном декадансе" 20-х годов. Короче говоря, в Германии просто не было традиций хорошего управления.

Когда Гитлер стал канцлером, у него не было прецедента, на котором можно было бы построить разумную администрацию, однако хаос, охвативший его нацию, требовал замены новым общественным порядком. Единственными альтернативами, стоявшими перед ним, были авторитарное правление или социальный распад. Конечно, он был одним из самых могущественных людей в истории, но не из-за правительственных полномочий или вооруженных сил, которыми он обладал, а благодаря непреодолимой преданности своего народа. Ни один человек не был так любим своими согражданами. Он также не правил без их согласия. В конце концов, они избрали его своим законным представителем. После этого он всегда советовался с ними по поводу своих важных решений в мирное время, проводя референдумы, на которых им предлагалось проголосовать за или против его политики. Эти плебисциты, за честностью которых следили международные наблюдательные комиссии, в том числе из враждебных Германии стран, неизменно одобряли национал-социалистический режим 90 % избирателей и более, чаще всего в верхней части этого процента. Например, из 2,94 миллиона бюллетеней, поданных на выборах в Судетской области 4 декабря 1938 года, 2,64 миллиона голосов (98,8 %) были отданы НСДАП. Ранее в том же году, когда Гитлер спросил австрийцев, хотят ли они стать частью Третьего рейха, 99,7 % ответили утвердительно.

Ни один демократический политик на Земле, ни до, ни после, не имел такого рейтинга одобрения. Понятно, что их глубоко запрятанная ненависть к этому чрезвычайно популярному человеку коренилась в личной зависти. Рузвельт, Черчилль, Клинтон, Буш и все остальные подставные лица евреев никогда не могли добиться и доли той поддержки, которую Адольф Гитлер получал от *своих* сограждан. Если демократия - это "народное правление", то он был "демократом" в самом прямом смысле этого слова. Как он сам спрашивал: "Где есть подобная "демократия" в других странах? Где еще народ и руководство, нация и правительство так полно слились воедино и стоят так близко друг к другу?" Тем не менее, как ясно дал понять фюрер в своей "застольной беседе", он рассматривал популистское государство Третьего рейха как мост к воображаемой расово-авторитарной республике, созданной по образцу Конституции США с ее законами об иммиграции и натурализации, которыми он так восхищался. К сожалению, это видение

свободы было уничтожено иностранцами, которые предпочли политическим свободам массовое уничтожение.

Пожалуй, ничто лучше не иллюстрирует различия между лидерами стран Оси и союзников, чем сравнение подарков, которыми они обменивались во время войны. По случаю своего 59-го дня рождения в 1942 году Муссолини получил от Гитлера прекрасно переплетенное полное собрание сочинений Фридриха Ницше, великого философа XIX века. В том же году Франклин Рузвельт на *свой* день рождения послал Уинстону Черчиллю ящик бурбона.

Всего за шесть лет до того, как его страна объявила войну Третьему рейху, на вопрос репортера *лондонской газеты Times*, что он думает об Адольфе Гитлере, Черчилль ответил, что если когда-нибудь Англию постигнут катастрофы, подобные тем, что захлестнули Германию, он будет молить Бога о таком гениальном человеке, как фюрер, чтобы тот повел британский народ к спасению. Еще более удивительно, что в предыдущее десятилетие Черчилль стал автором длинной статьи для престижной лондонской газеты *Illustrated Sunday Herald* (8 февраля 1920 года), в которой он описывал коммунизм как убийственную тиранию, возглавляемую еврейскими террористами, чьи революции должны быть безжалостно уничтожены, в какой бы стране они ни появились.

В том же десятилетии он заявил: "Долг цивилизованного мира - отвоевать Россию. Советы не представляют Россию. Они представляют международную концепцию, совершенно чуждую и даже враждебную тому, что мы называем цивилизацией. Победа над Россией, военная и моральная, была бы слишком тяжелой задачей для победителей Первой мировой войны в одиночку, и, поскольку мы должны это сделать, мы сделаем это вместе с Германией. Германия знает Россию лучше, чем кто-либо другой. Это будет для нее великой возможностью. Без Германии в Европе ничего не возможно, с ней возможно все". Однако, когда Гитлер воспользовался его предложением, используя "великую возможность" напасть на Россию, Черчилль осудил его как "агрессора" и направил военную помощь Советам, которые, как он утверждал, презирал.

Несмотря на эти недоуменные несоответствия, традиционные историки, игнорируя его антикоммунистические и даже антиеврейские заявления, опубликованные менее чем за двадцать лет до начала Второй мировой войны, продолжают считать его одним из самых прославленных героев XX века за его бескомпромиссное противостояние Адольфу Гитлеру и всему тому, за что выступал немецкий лидер. Возможно, противоположный характер Черчилля можно понять в контексте его пожизненной борьбы с алкоголизмом. Одна из самых запоминающихся его реплик прозвучала в

ответ женщине-члену парламента, которая горько пожаловалась, что он дискредитирует этот августейший орган, часто появляясь в нетрезвом состоянии. Ловко обойдя поднятый ею вопрос, он заявил: "Завтра я буду трезв. Но вы, мадам, все равно будете безобразничать!"

В одной из подобных встреч к нему обратилась леди Астор, недавно узнавшая о масштабах его злодейства: "Если бы я была вашей женой, - сказала она ему, - я бы подсыпала яд в ваше виски!" "А если бы я был вашим мужем, - обратился он к ней, - я бы его выпил!"

Даже его лучший друг, Франклин Рузвельт, едко называл его "этим пьяным бездельником". Навещая британского премьер-министра летом 1940 года, Самнер Уэллс, как сообщается, застал его в бессвязном алкогольном угаре. Фактором, способствовавшим его эмоциональной нестабильности, могло стать политически проблематичное происхождение Черчилля, которое он старался держать в тайне. Его матерью была Дженни Джером, американская еврейка. Когда еврейское происхождение Франклина Рузвельта дополнительно учитывается в высшем руководстве союзников, становятся понятны его расовая принадлежность и происхождение неизгладимой ненависти к Гитлеру.

Конечно, личное поведение Черчилля часто выходило за рамки эксцентричности и граничило с настоящим безумием, как, например, его безумная склонность к ношению женского белья и обнаженному эксгибиционизму. Например, во время визита в Вашингтон в 1942 году он предстал перед изумленным Ф.Д.Р. полностью обнаженным, пояснив лишь: "Видите, господин президент, мне нечего от вас скрывать!" В другой раз премьер-министр был настолько потрясен видом британских бомбардировщиков, пролетавших низко над головой во время тренировочной миссии, что снял с себя всю одежду, а затем с криками побежал голым по тамараксу к изумлению собравшихся офицеров RAF и руководителей авиационных компаний. Публичная информация о подобных прискорбных инцидентах, разумеется, подавлялась по соображениям национальной безопасности и морального духа вплоть до 1945 года.

Но движущим импульсом Черчилля была патологическая страсть к войне и человеческому разрушению, которое она приносит. На Касабланской конференции он сказал Рузвельту, что прогресс возможен только во время войны, а в мире царит лишь самоуспокоенность, утверждал он. Доктор Геббельс считал Черчилля аналогом грека XX века, который сжег прекрасный храм Дианы в Эфесе в 356 году до н. э., чтобы увековечить себя; премьер-министр был "фактором разрушения". Он, несомненно, войдет в историю как европейский Герострат, способный увековечить свое имя, лишь

разрушив то, что многие поколения строили на протяжении многих веков" (17 марта 1945 г.).

Далекий от своего идеализированного образа защитника этических норм, Черчилль всю свою карьеру строил на уловках и аморальных манипуляциях. Например, в июне 1941 года он поручил главе британской секретной службы в Северной Америке сэру Уильяму Стефенсону передать в госдепартамент США письмо, якобы составленное майором Элиасом Бельмонте, в котором боливийский военный атташе в Берлине инкриминировался как руководитель заговора с целью свержения правительства Лапаса с помощью Гитлера и создания нацистского марионеточного государства в Южной Америке. Хотя письмо было полностью сфабриковано Стивенсоном, американская пресса и администрация Рузвельта без критики приняли его за подлинное, в результате чего невинный боливийский майор был с позором уволен и побудил своих заблуждающихся соотечественников объявить войну Германии.

Впоследствии немецкое население Боливии в течение следующих четырех лет содержалось в условиях, которыми славятся южноамериканские тюрьмы. Между тем истинной целью обмана Черчилля было дать Ф.Д.Р. еще один готовый повод для подстрекательства американского общественного мнения против Третьего рейха. На волне этого пропагандистского успеха Стивенсон подделал "секретную нацистскую карту", на которой подробно описывались планы Гитлера по захвату Южной Америки. Надуманные разоблачения этого вероломного документа были проглочены президентом США целиком.

За десять лет до этого, в начале 1930-х годов, политическая карьера Уинстона пошла на спад. Игорные долги, взятые на себя Рэндольфом, его непутевым сыном, грозили банкротством и потерей любимого загородного поместья Чартвелл. В отчаянии он вступил в "Фокус" - тайное общество, состоящее из дюжины бывших политиков, потерявших во время Депрессии работу в правительстве и решивших вернуть ее любыми способами. Зная, что эти безработные "государственные деятели" скажут или сделают все, что угодно, чтобы вернуться к власти, евреи выловили из "Фокуса" нескольких язычников, чтобы прикрыть ими планируемое уничтожение Германии. Самой большой добычей стал Уинстон Черчилль.

Начиная с 1936 года, "Фокус" богато финансировался Американским еврейским конгрессом, Лондонским советом депутатов британских евреев и президентом департамента, председателем компании "Бритиш Шелл" сэром Бернардом В. Коэном. Они заплатили Черчиллю 50 000 фунтов за агитацию против Гитлера, которым, как уже говорилось выше, он лично восхищался. Репутация Черчилля как проститутки для антинацистских целей росла.

Шесть лет спустя он заявил Франклину Рузвельту, что "привержен сионистской политике".

В 1938 году Уинстон получил 800 000 долларов от посвященного в рыцари еврейского плутократа сэра Генри Старчоса, который после *аншлюса* потерял свои монопольные владения в Австрии. Его задачей было осудить союз этой страны с Рейхом, несмотря на контролируемые международным сообществом референдумы, на которых подавляющее большинство австрийцев проголосовало за присоединение к Германии. В том же году пражское правительство направило прокоммунистического министра иностранных дел Яна Масарика в Лондон с 2 миллионами фунтов стерлингов для "Фокуса" и приказом для его членов свергнуть Невилла Чемберлена, которого чехи считали слишком мягким по отношению к фюреру. Немцы узнали о том, что Черчилль принимает иностранные деньги, и сообщили об этом Чемберлену незадолго до Мюнхенского соглашения, что стало одной из причин его исхода в пользу Гитлера. Но новая, прибыльная карьера Черчилля в качестве наемного рупора еврейских планов была обеспечена.

Во время так называемого "Лондонского блица" Черчилль был прославлен союзной прессой за то, что мужественно стоял рядом с английским народом, разделяя его опасности и трудности, и призывал его следовать своему личному примеру непоколебимого мужества. На самом деле британская разведка заблаговременно знала о каждом налете немецкой авиации и тайно передавала информацию Черчиллю, который неизменно бежал в свое личное убежище за городом. Никому другому не удалось избежать блица через этот секретный маршрут бегства. После того как прозвучал сигнал "все чисто", он скрылся в Лондоне, где красовался перед камерами кинохроники, изображая двумя пухлыми пальцами с сигарой мудру *V, означающую победу*, и вызывая бормотал: "Мы это выдержим!"

Днем 14 ноября 1940 года он только выехал из Лондона, чтобы избежать ожидаемого возвращения Люфтваффе, когда секретный доклад его шифровальщиков сообщил ему, что следующей целью бомбардировщиков будет Ковентри. Вернувшись в безопасную столицу, Черчилль демонстративно встал на крыше здания своей штаб-квартиры, бросая вызов несуществующим нацистам в небе сжатым кулаком на глазах у репортеров и фотографов. Снимки несгибаемого мужества премьер-министра были выставлены по всему миру, в то время как люфтваффе бомбили далекий Ковентри.

В качестве примера его отвратительного безразличия к страданиям британского гражданского населения можно привести случай, когда в ночь

на 10 мая 1941 года Черчилль получил уведомление о том, что особенно сильный воздушный налет на Лондон вызвал беспрецедентный хаос. По его собственным словам, "поскольку я ничего не мог с этим поделать, я отправился в свой личный кинозал, где с удовольствием посмотрел фильм братьев Маркс". Интересно, как бы отнеслись к Черчиллю лондонцы, спасавшие свои жизни на подземных станциях метро, если бы знали, что в это время он хихикал над еврейским американским фильмом в роскошной безопасности своего загородного убежища.

В июле 1944 года, когда ослабленному Рейху оставалось менее года до поражения, Черчилль отдал приказ атаковать мирных жителей Германии сибирской язвой. Ужаснувшиеся генералы убедили его отказаться от массового убийства, лишь напомнив, что Гитлер непременно нанесет ответный удар, обоснованно направив на Лондон летающие бомбы V-1 с боеголовками, начиненными ядовитым газом. Им потребовался месяц аргументов, чтобы окончательно убедить его в необходимости отказаться от планов геноцида арийцев. Как он позже ворчал: "Парсуны среди моих генералов помешали мне довести дело до конца". Если бы его атака с применением сибирской язвы была осуществлена, практически все живое на европейском континенте было бы уничтожено, включая жителей всех союзных и нейтральных стран.

При всей своей любви к кровопролитию Черчилль, помимо того, что был физическим трусом, оказался крайне плохим милитаристом. Во время Первой мировой войны, будучи главой Адмиралтейства, он отправил тысячи австралийских пехотинцев на верную смерть во время предрешенного вторжения в Турцию. Галлиполийское фиаско стало для союзников не просто поражением, а жестоким унижением от рук простых турок, за которое любой другой командующий получил бы пожизненную кассацию. Однако Черчилль был скорее хитрым политиком, чем военным лидером, и через двадцать пять лет он снова оказался у власти. Он повторил свою ошибку в гораздо более грандиозных масштабах, направив стратегию союзников, вопреки советам британских и американских советников, на то, что, как он настаивал, было "мягким подбрюшьем Европы".

Десятки тысяч солдат союзников пали в итальянской кампании, которая без нужды затянула войну и так и не принесла им стратегического успеха. После почти двух лет страданий и резни англо-американские войска все еще увязли в Италии, когда Германия капитулировала, и все благодаря заверениям Черчилля, что они "добьются быстрого прорыва в Австрию" еще в 1943 году. Ральф Эдвардс, директор британских военно-морских операций, который тесно сотрудничал с Черчиллем на протяжении всей войны, назвал

его "без сомнения, одним из худших стратегов в истории" (Irving, *Churchill's War*, Vol. 2, 103).

Искусственно созданная репутация Черчилля как величайшего оратора века на английском языке - лишь часть его стойкого мошеннического образа. Его воодушевляющие радиопередачи призывали британцев сражаться, терпеть и умирать в войне, которую он давно готовил для них. Во многом благодаря этим вдохновляющим передачам британский народ продержался в тяжелейших условиях шесть долгих лет, в течение которых погибло полмиллиона человек. Все это время он тщательно скрывал более чем щедрые мирные предложения, которые Гитлер сделал Британии. Также была скрыта подлинная личность знаменитого голоса, который, по мнению англичан, принадлежал их героическому премьер-министру. Многие из приписываемых ему передач с серебряным языком на самом деле были произнесены Норманом Шелли, радиоактером, которого выбрали за его способность подражать Черчиллю в тех случаях, когда он был слишком пьян или страдал похмельем, чтобы выступить на публике.

Устойчивые представления общественности об Уинстоне как о борце с диктатурой противоречат его часто высказываемому стремлению создать, как он предложил Рузвельту 20 мая 1943 года, "мирового диктатора", который навсегда лишил бы своего французского союзника каких-либо вооруженных сил, а немногих выживших в войне немцев низвел бы до статуса вечных рабов. Глобальная власть должна была быть ограничена Британской империей, Соединенными Штатами и Советским Союзом. Рузвельт согласился с этой идеей, но лишь в том смысле, что титул "модератор" был бы более приемлемым с политической точки зрения.

Черчилль дожил до преклонных лет, ожирев на роскошных пирах, написав цензурные, самодовольные истории и намалевав десятки картин, столь же дилетантских, сколь и забытых. Когда в 1965 году наступила смерть, он оставил после себя инструкции по организации пышных похорон, в которых, помимо прочих проявлений мании величия, предписывалось, чтобы все краны на берегах Темзы были опущены, когда мимо проплывет его огромный гроб. Как в шекспировской *Буре*, весь британский народ мог бы воскликнуть в этот момент: "Каким же я был трижды дуболомом, что принял этого пьяницу за бога и поклонялся этому тупому дураку!"

Как и Черчилль, Ф.Д.Р. был мастером по связям с общественностью. Он знал, как расположить к себе избирателей в качестве "американского товарища", а его регулярные радиопередачи, так называемые "беседы у камина", были тщательно срежиссированы, чтобы подчеркнуть его скромную, домашнюю, "яблочную" личность. Гитлер и национал-социализм

интересовали Ф.Д.Р. не в последнюю очередь до 1937 года. Это был год выборов, и болтливый политик боялся, что закончит свою государственную жизнь как президент-одномандатник. За четыре года до этого он вошел в Белый дом, пышно заверяя американцев, что покончит с Великой депрессией. Но его демократические программы, погрязшие в коррупции, ни к чему не привели, а безработица в стране продолжала расти. Фюрер сказал о Рузвельте: "Если бы его экономическая политика продолжалась бесконечно долго в мирное время, то, несомненно, рано или поздно она бы свалила этого президента, несмотря на всю его диалектическую хитрость".

Очевидно, что карьера Ф.Д.Р. зависела от экономического здоровья нации. В конце концов он понял, что единственный способ поставить страну на ноги - это запустить производство, и самым быстрым способом было массовое производство оружия. Однако для того, чтобы оправдать превращение американских заводов в оружейные, требовалась серьезная угроза или хотя бы ее иллюзия. Германия, как недавний враг, стала подходящим жупелом. Евреи, доминировавшие в американской прессе и киноиндустрии, с радостью выступили в роли самых преданных пропагандистов Рузвельта. Вместе с его тревожной риторикой обилие антинацистских голливудских фильмов и неустанная газетная агитация против Гитлера в конце концов вызвали национальную истерию до такой степени, что вторжение казалось неизбежным. В этой искусственно созданной атмосфере страха президент смог провести свои раздутые военные расходы через Конгресс, запуганный волнениями избирателей. А подняв шум и плач по поводу смертельной угрозы, которую представляла для Соединенных Штатов нацистская Германия (размером не больше Техаса), президент успешно отвлек внимание от затянувшейся, усугубляющейся депрессии, которую он не мог решить.

Хотя паническое производство оружия стало стимулировать национальное производство, оружие - это скоропортящийся товар, который необходимо использовать, иначе он заржавеет и устареет под воздействием технического прогресса. Для этого Рузвельту нужна была война. Через своего плавающего оперативника в Европе Уильяма К. Буллита он дал тайные обещания, что варшавские политики могут рассчитывать на вооруженное вмешательство союзников, если те спровоцируют военную конфронтацию с Третьим рейхом. Обманутые таким образом, вообразив, что они могут наесться до отвала на дешевом празднике победы, поляки спровоцировали военные действия (как описано ниже), которые обернулись для них самым худшим образом. Но с началом войны в Европе планам Рузвельта по участию в ней серьезно помешали национальные опросы общественного мнения, которые

показали, что подавляющее большинство американцев выступают против участия США в любой войне, если только на них намеренно не нападут. Будучи непревзойденным политиком, он провел активную кампанию на популярной "платформе мира" на президентских выборах 1941 года.

При этом он постоянно маневрировал, чтобы спровоцировать Гитлера на объявление войны Соединенным Штатам, передавая военные корабли Королевскому флоту, отправляя грузы в Англию на американских грузовых судах в сопровождении эсминцев ВМС США и даже непосредственно помогая британским военным операциям. Среди наиболее вопиющих примеров - позиция *Бисмарка*, сообщенная по радио британцам, которые до этого не могли ее обнаружить, гидросамолетом РВУ ВМС США, что позволило им потопить немецкий линкор с большими потерями в живой силе. В том же месяце, когда Рузвельт был избран избирателями, убежденными в том, что он намерен держать их страну в стороне от европейского конфликта, он приказал своему флоту "открывать огонь по военным кораблям Оси, где бы и когда бы они ни были обнаружены". Это выходило далеко за рамки всех других нарушений американского нейтралитета и представляло собой объявление войны. Тем не менее Гитлер упорно отказывался клюнуть на эту приманку.

9 августа 1941 года, во время конференции по Атлантической хартии, Рузвельт доверительно пообещал Черчиллю, что "будет работать над инцидентом", который втянет Америку в войну против воли большинства его соотечественников. Позже Уинстон доложил королю Георгу VI, что стратегия президента заключалась не в объявлении войны, а в ее провоцировании путем создания инцидента. Накануне, 30 октября, Ф.Д.Р. серьезно заявил по национальному радио: "И пока я разговариваю с вами, матери и отцы, я даю вам еще одно заверение. Я уже говорил это раньше, но повторю еще раз, и еще, и еще: Ваши мальчики не будут отправлены ни на какие иностранные войны!" Даже сегодня, по крайней мере, некоторые американские ученые вместе с Гором Видалом понимают, что "Рузвельт лгал, чтобы втянуть нас в войну против Гитлера, и, учитывая природу зверя, многие люди были и остаются рады, что он это сделал".

Разочарованный и обеспокоенный тем, что экономика, основанная на угрозах, вызовет новый, еще более серьезный экономический коллапс, если США в ближайшее время не ввяжутся в боевые действия, президент постучал в дверь, которую историк Гарри Элмер Барнс назвал "задней дверью в войну". Она открылась перед антикоминтерновским партнером Германии. На той же конференции по Атлантической хартии Черчилль и Рузвельт заявили о своем общем желании напасть на Японию, тогда еще

нейтральную страну, после августа 1941 года. Их план был одобрен Корделлом Халлом и другими политиками, окружавшими президента, но его военные советники утверждали, что с военной точки зрения Америка не сможет рисковать военными действиями до поздней осени.

Ранее, 26 июля 1941 года, Ф.Д.Р. уже ввел международное нефтяное эмбарго против японцев за их вторжение в Китай, которое, конечно же, его не касалось, поскольку там полностью отсутствовали американские интересы. Его действия были экономическим актом смертоносной агрессии, поскольку промышленное существование Японии полностью зависело от импорта нефти из-за рубежа. Эксперты по обе стороны Тихого океана подсчитали, что к весне следующего года японское общество распадется на нищету и голод. Рузвельт надеялся, что эмбарго подтолкнет японцев к тому, чтобы нанести удар первыми, и тем самым вызовет поддержку населения в пользу его участия во Второй мировой войне.

К разочарованию, японский кабинет ответил не вызовом, а примирением. Министр иностранных дел Сигенори Того направил в Вашингтон "План из пяти пунктов", предлагая важные уступки, в том числе отказ от районов Китая, особо упомянутых американцами, и самоограничение японской экспансии за границу для смягчения проблемы перенаселения. Далее он добивался возобновления переговоров для обсуждения "Плана" кабинета министров по нормализации отношений между двумя державами. Но Рузвельт думал только о мире. Он решил начать военные действия как можно скорее, с одобрения или без одобрения американского народа. Он уже решил начать воздушный рейд против Японии с баз Клера Шено в восточном Китае к середине ноября. На самом деле президент санкционировал тайное нападение за три дня до введения нефтяного эмбарго. Черчилль, который давно хотел, чтобы Америка вступила в войну, получил хорошие новости от госсекретаря США Корделла Халла по сверхсекретным дипломатическим каналам.

Статья в газете *Лос-Анджелес таймс*, посвященная 60-й годовщине японского рейда 1941 года, вышла под заголовком "Япония нарушила кодекс США перед Перл-Харбором, исследование показало". Автор статьи Валери Рейтман сообщила, что молодой японо-американский профессор истории из Университета Кобе обнаружил письменные документы времен Рузвельта, рассекреченные Центральным разведывательным управлением США в 1996 году. Тосихиро Минохара обнаружил их среди информации о довоенных секретных кодах в Национальном архиве США в Колледж-Парке, штат Мэриленд. В приложенных микрофильмах были обнаружены японские переводы телеграмм ФБР различным послам и лидерам союзников.

Криптографы в Токио, очевидно, взломали главные дипломатические коды президента.

Чтобы получить подтверждение, Минохара попросил доктора Сатоси Хаттори, профессора современной истории Университета Кобе, провести специальный поиск в дипломатических архивах Токио. В папке, озаглавленной "Специальные документы", Хаттори обнаружил тридцать четыре напечатанных на машинке коммюнике, в основном на английском языке, о сверхсекретных дипломатических дискуссиях США и Великобритании в течение месяцев и недель, предшествовавших 7 декабря. Японцы узнали о решении Рузвельта напасть на них еще в середине ноября. Узнав о его двуличии, Того, убежденный сторонник мирных отношений с США, ранее выступавший против "ястребов" в кабинете министров, написал в своих послевоенных мемуарах: "Я был потрясен до головокружения. В этот момент у нас не было иного выбора, кроме как принять меры". Только прочитав план президента "удар в спину", даже "голуби" в японском правительстве решили нанести удар до того, как он успеет ударить по ним первым.

Тем временем секретный план Рузвельта по нападению без предупреждения на народ, с которым Америка все еще находилась в мире, был приостановлен из-за задержек с логистикой. 22 ноября Лаухлин Кюри сообщила ему, что бомбардировщики и их экипажи не смогут добраться до китайских баз до конца декабря. Рейд должен был начаться не позднее, чем через некоторое время после Нового 1942 года. 2400 американцев, погибших в Перл-Харборе, так и не поняли, что были принесены в жертву не афишируемому заговору своего президента с целью втянуть их в незаконную войну. Взломав его дипломатический код, японцы знали, что он на самом деле замышляет, и опередили его, едва ли не на месяц.

Но одним махом они вручили ему войну, которой он давно добивался, чтобы спасти свою политическую шею, омоловив американскую экономику за счет массового производства оружия. Теперь подавляющее большинство американцев с радостью служили его делу в трагическом заблуждении, что они защищают свою страну. Они избрали его на беспрецедентный четвертый президентский срок. Однако к тому времени Рузвельт уже умирал от гонореи в последней стадии; последним ударом станет кровоизлияние в мозг.

Сэр Роберт Крейги, представитель Англии в Токио, заявил, что японцы стали невинными жертвами империализма Рузвельта и закулисных планов Черчилля по вовлечению Америки в войну, чего бы это ни стоило в виде человеческих жизней. Крейги был личным свидетелем предыдущего полугодия интриг, сплетенных этими двумя международными

преступниками. Его поддержал конгрессмен Гамильтон Фиш, который горячо поддержал просьбу президента об официальном объявлении США военных действий, но позже признался: "Рузвельт был главным подстрекателем и поджигателем войны".

Как и Черчилль (и все остальные мировые лидеры), Рузвельт хорошо понимал еврейский вопрос и даже лично симпатизировал немецким национал-социалистам, против которых он лицемерно вел войну на уничтожение в феврале 1943 года: "Нельзя винить нацистов за то, что они сделали с евреями, - признался он генералу Огюсту Ногесу, командующему французскими войсками в Марокко, во время конференции в Касабланке, - потому что если бы немецкому народу пришлось страдать от того, что он пережил до прихода нацистов к власти, ни один другой народ в мире не поступил бы иначе". Понимание Ф.Д.Р. евреев делает его и Черчилля добровольное подчинение им еще более аморальным. Он не был бессловесным болваном, а осознавал зло, которому служил.

Франклин Рузвельт умер, так и не дождавшись окончания войны, которую он, как никто другой, вызвал к жизни. В те последние месяцы он встретился в Ялте со своими печально известными соучастниками. Физически ослабленный сифилитической болезнью и психически неуравновешенный, он сидел для фотографов между подвыпившим Черчиллем, империя которого была практически уничтожена, и Сталиным, который, размышляя об изможденном состоянии западных держав, олицетворяемых этими двумя жалкими персонажами, тайно улыбался сам себе, как коммунистический кот, только что проглотивший капиталистическую канарейку. Описывая советского премьера в Ялте, *Британская энциклопедия* пишет: "Грозный переговорщик, он перехитрил этих иностранных государственных деятелей".

Иосиф Виссарионович Джугашвили родился в 1879 году и, став ярким коммунистом, сменил фамилию на Сталин (от русского слова "сталь" - *stal*). Когда первые немецкие победы разорвали СССР, он завопил: "Все, что построил для нас Ленин, потеряно навсегда!" В то время как наступление стран Оси продолжалось в течение всего первого лета 1941 года, он ушел в длительный запой, запершись на своей отдаленной *даче*, оставив Советский Союз в полном запустении. Хотя немецкое вторжение началось 22 июня, Сталин был слишком пьян, чтобы выступить с публичным обращением до 3 июля; даже тогда он с трудом мог бормотать на низком монотонном языке, который не внушал ничего, кроме пораженческих настроений. Однако алкогольный отпуск, должно быть, пошел ему на пользу, потому что в конце концов он достаточно протрезвел, чтобы лично возглавить оборону Москвы

следующей зимой. Цинично отказавшись от марксистской риторики, которой он руководствовался всю свою жизнь, он вдруг предстал в образе великого славянского националиста. Лицемерная поза сработала, и миллионы до того деморализованных русских сплотились для успешной защиты своей родины.

До конца войны он проявил себя как превосходный военачальник, не столько благодаря своим военным способностям, которыми он практически не обладал, сколько благодаря своей безжалостной реорганизации и руководству вооруженными силами СССР. Столкнувшись с их повальной деморализацией в результате непрерывных поражений, он усилил сопротивление своей страны, создав систему комиссаров Красной армии, которые буквально стояли за спинами русских солдат, держа пистолеты наготове, чтобы расстрелять любого, кто дрогнет. По сравнению с общим числом сотрудников гестапо Германии в 1939 году (7 500 человек), в то же время в Советском Союзе работало не менее 366 000 сотрудников тайной полиции.

К чести Сталина, он уже ввел Россию в индустриальную эпоху (хотя и за счет десяти миллионов убитых крестьян, *кулаков*), а теперь за считанные месяцы превратил ее заводы в гигантские предприятия по производству боеприпасов, предназначенные для тотальной войны. Он создал советскую тактику ведения боевых действий, которая игнорировала все стратегии и предусматривала атаки людей и техники только в случае подавляющего превосходства противника в численности, невзирая на всегда тяжелые потери, которые несли его солдаты. Иногда эти массовые штурмы срабатывали, чаще - проваливались, неизменно приводя к массовому уничтожению русских людей и техники. Советские успехи под Сталинградом, Курском и до конца войны, казалось, подтверждали очевидное военное лидерство Сталина даже в глазах Адольфа Гитлера.

Но фюрер и весь остальной внешний мир не знали, что победы Сталина перед каждой битвой передавались ему предателями из немецкого Генштаба, которые, сотрудничая с Леопольдом Треппером, еврейским главой шпионской сети "Красный оркестр", передавали советскому верховному командованию планы Гитлера. Как отмечал Уинстон Черчилль, русская революция была в значительной степени делом рук евреев, а Иосиф Сталин - воспринимавшийся такими евреями, как Леон Троцкий и Григорий Зиновьев, как бесхитростная, но податливая марионетка - был поставлен евреями в качестве дубинки для их советской тирании. Соответственно, в первом правящем триумвирате после смерти Ленина он сидел между Зиновьевым и другим евреем-коммунистом, Львом Каменевым.

Сталин, Черчилль и Рузвельт были обычными посредственностями с ограниченным интеллектом, которых определяли только их огромные аппетиты к личной власти и престижу. Алчные политические ничтожества никогда не испытывают недостатка в средствах и легко доступны для не столь часто мелькающих в поле зрения евреев-provokаторов, для которых такие добровольные шилы столь же обычны, сколь и совершенно бесправны. Война имела разное значение для мировых лидеров, участвовавших в ней. Для Черчилля это была просто самая выгодная возможность заработать на жизнь и избежать финансового скандала. Для Рузвельта это был единственный способ выбраться из депрессии и спасти свое политическое существование. Сталин приветствовал ее как лучший шанс стать еще одним Чингисханом, правителем планеты, на которой господствовал Советский Союз. Для этих людей Вторая мировая война была лишь средством достижения личных целей, не имевших ничего общего с фашизмом, демократией, цивилизацией или другими общественными проблемами, которыми они прикрывали свои личные планы за счет многих миллионов человеческих существ.

Лидеры союзников были похожи тем, что все они страдали от личных проблем, которые искажали их поведение. Черчилль был безнадежным алкоголиком. Как и все сильно пьющие люди, он был плохим пьяницей, страдающим паранойей и зависимостью от воинственности. Ф.Д.Р. был физически крепким мужчиной в традициях Рузвельта, пока его не свалил полиомиелит в раннем зрелом возрасте. Уязвленный необходимостью казаться сильным, несмотря на собственную унижительную слабость, он чрезмерно компенсировал и сублимировал свое разочарование во внешнюю агрессию. Сталин родился с деформированной, увядшей рукой, из-за которой он, подобно шекспировскому Ричарду III, питал глубоко запрятанное чувство неполноценности и мести.

Это были неудачники и счастливчики, калеки-психопаты, которым доверяли судьбы народов. Черчилль и Рузвельт сами были частично евреями, а Сталин, грузинский язычник, жил в еврейской семье (коммунисты Кагоновичи), женился на еврейке (Надежда Аллилуева) и даже говорил на идиш. Таким образом, расовое неравенство союзников и стран Оси было четко определено их руководством. Понимание Второй мировой войны, да и всей истории человечества в целом, невозможно без осознания роли, которую сыграли евреи. Нигде это не проявляется так ярко, как в истории Второй мировой войны - логического, неизбежного, военного продолжения национал-социалистической политической борьбы, начатой против них Адольфом Гитлером за двадцать лет до этого.

Чтобы понять смысл его борьбы, следует уточнить, что после Первой мировой войны демократическая Германия была игровой площадкой еврейских коммунистов, следовавших ленинскому изречению о том, что красная революция в мире должна идти через Рейх. Немецкий народ буквально умирал от голода на улицах Мюнхена и Берлина, не имея возможности найти настоящую работу и будучи благодарным за ту рутинную, часто унижительную работу, которая нечасто попадалась ему на глаза. В стране резко возросла детская смертность. В стране царили голод, крайняя нищета, подростковая преступность, преступность, безнравственность, культурная гниль, политическое уличное насилие и социальный хаос. Тем временем еврейские земельные спекулянты в одночасье разбогатели, приобретая огромные участки недвижимости, в основном фермы, у немцев, оказавшихся без средств к существованию в результате катастрофических последствий "Великой" войны. Тогда, как и сейчас, евреи доминировали в большинстве профессий (особенно в медицине, прессе, искусстве и правительстве), поскольку немцы были "юридически" лишены гражданских прав по Версальскому договору. В то же время гнилая Веймарская республика 1920-х годов представляла собой смешанный мешок марксистских и капиталистических евреев, которые рассматривали обнищавший немецкий народ не более чем идеологический и экономический мешок с бобами. Целые государства, города и поселки, такие как Бавария, Берлин и Кобург, были захвачены коммунистическими преступниками; практически все их лидеры - Карл Либкнехт, Роза Люксембург, Курт Эйсер и т. д. и т. п. - были евреями.

Но они потерпели поражение от народного движения, подобного которому еще не было, когда канцлером был избран Адольф Гитлер. Многие евреи покинули Германию, иммигрировав в Советский Союз, Францию, Англию и США, где сразу же начали агитировать за войну-реванш. Все их политические и финансовые инвестиции в окончательно разгромленную Германию испарились вместе с популярностью национал-социализма. Уже летом 1933 года, спустя всего несколько месяцев после победы Гитлера на выборах, в нью-йоркском Мэдисон-сквер-гардене состоялся массовый митинг, организованный самыми влиятельными фигурами мирового еврейства. Их представителем был Сэмюэл Дж. Унтермайер, идеальный выбор для предложенной ими работы. За двадцать шесть лет до этого Унтермайер заставил Соединенные Штаты объявить войну Германии, несмотря на возражения большинства американцев. Он совершил этот замечательный подвиг, заплатив черному почтовому агенту, угрожавшему Вудро Вильсону скандалом, при условии, что неосмотрительный президент

откажется от невоинственной политики своего правительства. (Еврейские корни американского участия в Первой мировой войне неопровержимо доказаны известными исследователями Эндрю Коллинзом и Крисом Огилви-Геральдом)

Теперь, в 1933 году, профессиональный разжигатель войны снова взялся за дело. Унтермайер провозгласил "священную войну", которую впоследствии поддержал каждый видный американский еврей, против новой Германии. "Мы предлагаем и уже далеко продвинулись в этом направлении - это чисто оборонительный экономический бойкот, который подорвет гитлеровский режим, - заявил он, - и приведет немецкий народ в чувство, уничтожив его экспортную торговлю, от которой зависит само его существование".

В ответ на "объявление священной войны" Унтермайера против народа, который до сих пор никому не причинил вреда, еврейская газета *Натша Реч* убийственно разразилась в лучших ветхозаветных традициях: "Война против Германии будет вестись всеми еврейскими общинами, конференциями, конгрессами, каждым отдельным евреем! Тем самым война против Германии идеологически оживит и продвинет наши интересы, которые требуют, чтобы Германия была полностью уничтожена. Опасность для нас, евреев, заключается во всем немецком народе, в Германии в целом, а также в каждом отдельном еврее. Она должна быть навсегда обезврежена".

Последняя воля и завещание Адольфа Гитлера, подписанное в день его смерти, 30 апреля 1945 года, похоже, подтверждает столь яростную агитацию: "Это неправда, что я или кто-либо другой в Германии хотел войны в 1939 году. Ее хотели и подстрекали исключительно те международные государственные деятели, которые были либо еврейского происхождения, либо работали на еврейские интересы".

Более шестидесяти лет спустя евреи по-прежнему называли всех немцев, независимо от того, насколько проеврейски или антинацистски настроены некоторые из них, представителями "расы преступников". Так Канадский еврейский конгресс осудил главного историка "Отдела военных преступлений и преступлений против человечества" Министерства юстиции Канады Рут Беттину Бирн только потому, что она была немкой-язычницей, хотя она вела дела национал-социалистов!

Первым этапом "священной войны" Унтермайера был экономический бойкот, направленный на уничтожение Германии с помощью "миллионов наших друзей-неевреев" (*The New York Times*, 7 августа 1933 г.). Он перефразировал стратегию, изложенную в *Протоколах сионских старейшин* (протоколы тайной встречи мировых лидеров на рубеже XX века), согласно которой любая языческая нация, восставшая против

еврейских планов, должна быть задушена с помощью экономических санкций. Это послужит прелюдией к военным мерам, предпринятым другими языческими странами, где евреи все еще оказывают политическое (т. е. финансовое) влияние. В пункте 3 Протокола VII говорится: "Мы должны быть в состоянии ответить на каждый акт угнетения войной с соседями той страны, которая осмелится выступить против нас".

Несмотря на то, что лепщики общественного мнения истерично и последовательно клеймят этот документ как "подделку", его подлинность, тем не менее, была установлена самими евреями. В своей книге *Берегись Бога: The Ultimate Paradox* южноафриканский еврейский историк Дэвид Эш описывает "Протоколы сионских старейшин" как истинное предупреждение человечеству о том, что евреи используют библейские догматы для захвата власти и достижения своих собственных целей" (Parfrey, 405). В начале 1980-х годов один из самых влиятельных евреев середины XX века Арманд Хаммер, глава американской корпорации Occidental Petroleum и политический кукловод президентов Никсона и Рейгана, создал международное корпоративное предприятие вместе с другими евреями (медиамагнатом Робертом Максвеллом, израильским мультимиллионером Шаулем Айзенбергом, Альбертом Райхманом, главой крупнейшей в мире компании по продаже недвижимости, и т. д.). Хаммер нагло называл этот клуб миллиардеров, состоящий из самых влиятельных людей мира, "Старейшинами Сиона" (Epstein, 322). В конце концов, мировой лидер сионизма лишь повторял утверждения Унтермайера и пункта 3, номер 7 *Протоколов*, когда Хаим Вейцман сказал Уинстону Черчиллю в 1941 году, что евреи заставили Америку воевать с Германией в Первой мировой войне и сделают это снова во Второй мировой войне (Irving, *Churchill's War*, Vol. 2, 76,77).

М. Рафаэль Джонсон, доктор философии, пишет, что бойкот Унтермайера "был актом войны не только в метафорическом смысле: это было хорошо продуманное средство уничтожения Германии как политического, социального и экономического образования. Долгосрочной целью еврейского бойкота против Германии было разорить ее в отношении репарационных выплат, наложенных на Германию после Первой мировой войны, и сохранить Германию демилитаризованной и уязвимой. Бойкот, по сути, оказался весьма губительным для Германии. Еврейские ученые, такие как Эдвин Блэк, сообщали, что в ответ на бойкот немецкий экспорт сократился на 10 % и что многие требовали ареста немецких активов в иностранных государствах"(43). И все это против народа, единственным "преступлением" которого до сих пор была критика евреев.

Но всемирный бойкот провалился, потому что национал-социализм делал Германию экономически независимой от международной валютной паутины. И никому из евреев не нужно было объяснять, что произойдет, если другие языческие народы проснутся и осознают реальность еврейской власти, как это сделали немцы. Кроме того, Гитлер решил проблему безработицы и восстановил процветание в своей стране, в то время как остальная часть западной цивилизации погрязла в Великой депрессии. Если бы его пример переняли другие страны, международная банковская сеть евреев, созданная домом Ротшильдов, рухнула бы.

Агитация против Гитлера во внешнем мире на протяжении 1930-х годов становится понятной не только в свете "объявления войны" Унтермайера с трибуны нью-йоркского Мэдисон Сквер Гарден. Во Франции был еврейский премьер Леон Блюм, а Исаак Лесли Хоре-Белиша, 1-й барон Хоре-Белиша, был еврейским военным министром Великобритании и самым ярким разжигателем войны. Неудивительно, что Черчилль пожаловал ему пэрство за заслуги перед заговорщическим "Фокусом". Затем были советские евреи, чьи планы по созданию единого мирового правительства оказались под угрозой из-за идеологической привлекательности национал-социализма далеко за пределами Германии. Были все основания полагать, что те же самые трудящиеся массы, которые были отторгнуты от марксизма и привели национал-социализм к власти в Германии, сделают это и в других странах, навсегда покончив с мечтой Карла Маркса о международной "диктатуре пролетариата", в которой доминирует еврейство.

Односторонне изображая Адольфа Гитлера в прессе и киноиндустрии как злейшего врага человечества, евреи начали психологически создавать атмосферу ненависти как предпосылку к вооруженным действиям. Но спустя 60 лет после объявления агрессии в мирное время даже еврейский писатель Ленни Бреннер признал: "Перед войной сионистские лидеры провозгласили массовый международный бойкот против немецкого правительства. Эта агрессивная политика подлила масла в огонь и без того накаленной обстановки и, как следствие, помогла начать Холокост"... (Parfrey, 404,405).

Людвиг Левисон, один из "советников" Ф.Д.Р. и глава Сионистских организаций Америки, заявил нью-йоркской газете *The Jewish Mirror* 3 октября 1942 года: "Еврейский народ - это символ природы этой войны. Никто другой. Ничего другого. Это альфа и омега, начало и конец всего дела!" 61 миллион погибших (не говоря уже о 240 миллионах раненых, бесчисленных миллионах поработанных на многие поколения в условиях коммунизма и уничтоженных невосполнимых культурных ценностях) в результате конфликта, который он приписывает себе от имени своего народа,

делает его самым кровавым военным преступником во всей истории человечества.

НСДАП/АО — крупнейшая в мире
Поставщик национал-социалистической пропаганды!
 Печатные и электронные периодические издания на многих языках
 Сотни книг на многих языках
 Сотни веб-сайтов на многих языках

BOOKS - Translated from the Third Reich Originals!
www.third-reich-books.com

